

ТАРАСОВА А. Д. — в ПОМПОЛИТ

ТАРАСОВ Федор, родился в 1863 (из крестьян). Неграмотный. В 1920-х — проживал с семьей в Москве, работал закройщиком. Летом 1936 — арестован по обвинению в контрреволюции и заключен в Бутырскую тюрьму.

ТАРАСОВА Валентина Федоровна, родилась в 1903. Получила среднее образование. Проживала с родителями в Москве, работала помощником бухгалтера, в середине 1930-х — безработная. Летом 1936 — арестована по обвинению в контрреволюции и заключена в Бутырскую тюрьму¹.

В сентябре 1936 — в Помполит обратилась за помощью ее мать Александра Денисовна Тарасова.

<22 сентября 1936>

«22 сентября с<его> г<ода>».

Прошу Вас, дорогие правители сего уважаемого учреждения, прочитать мою скорбную повесть. Наша семья состояла из семи человек: меня — матери 60 лет, мужа 73-х лет, трех сыновей и двух дочерей. Жили мы тихо, спокойно, муж работал дома, а я обслуживала свою семью. Работы было много, но я не роптала, дети учились хорошо, нас уважали, и мы были довольны. Потом сыновья кончили срок ученья, теперь инженеры, и вот не за страх, а за совесть сколько уж лет честно работают, уже женились и давно ушли от нас, но помогают нам и любят нас. Одна дочь — фельдшер, уже стажа имеет 20 лет, была на эпидемии 2 года в Бузулуке и схватила там тропическую малярию и поныне страшно страдает, вторая дочь — помощница бухгалтера, честная трудолюбивая девушка, но слабая здоровьем: квартира у нас сырая, темная и страшно холодная, ну, и все мы много потеряли здоровья. Все бы это было ничего, но вдруг налетела на нас буря, да самая неправдоподобная какая-то. Моего мужа — старика, труженика честного, арестовывают и сажают в тюрьму. Он всегда восторгался работой правительства, уши мне все прожужжал этим. И вдруг его обвиняют в контрреволюции, его, безграмотного старика, очень больного и неврастеника, последнее время он от каждого пустяка плакал, у него больная печень, сильный склероз сердца и все-таки работал, никогда не отдыхая, когда нам этими глупостями заниматься. Я никогда газет-то и не читала, я, как лошадь, работала, ведь десять человек детей-то было, измучилась вся. У меня две грыжи, как и порок сердца и никак не могу избавиться от воспаления седалищного нерва. Но все-таки мы были довольны жизнью, не зря прожили, оставили после себя честных добрых детей, и вдруг такой ужас. Зовут меня на допрос и утверждают, что я контрреволюционерка, и довели меня до сердечного припадка, и дочь мою, Валентину, уже совсем не причастную ни к чему, начали называть христовой невинной блаженной и заставили ее разбирать Евангелие, которое она и знала-то плохо, а потом обвинили в религиозной контрреволюции. Что же это такое? Потом обвинили в таковой, что она отходила иногда от места работы, но она отходила, бедная, для меня, я часто стала хворать припадками сердца и ущемлением кисты, кто же мне и поможет, как не дочь. В вину ставят, что она не замужем, но ведь не замужем очень много девиц, разве это преступление? Она честная, трудолюбивая девушка и горячо любит нас. Как на грех, нас позвали на допрос вместе, и обвинителем оказался поп. Он наговорил на меня разного вздору, наверное, потому, что я его не принимала и на собрания церковные не ходила, и женщина была, которую

¹ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

я не уважала за болтовню и была с ней холодна, но она ухитрилась оставить мне книгу. Я даже забыла ее название, но она оказалась контрреволюционной, я ее и не читала и сейчас же отдала ей, она сама призналась и подписалась в протоколе, но на меня почему-то покрикивали и оскорбляли противным словом контра. Я сильно плакала, а дочь была в коридоре и все слышала, и сказала, что нечеловечно с матерью поступают, ее позвали в другую комнату и начали упрекать, что она не служит (ее только что сократили). Дочь говорила, что дайте мне место, они ей ответили: "Врагам мы не даем место". Это мы-то враги! На другой день ее арестовали и увезли в Бутырскую тюрьму. Девушка, которая никогда, ни единым словом не порицала власть, а, наоборот, уважала ее, и вдруг в тюрьму. За что? Мы всю ночь напролет ухаживали за умирающей дочерью старшей, а утром иди на допрос, обе больные и измученные.

Я уважаю НКВД, но на допросах бывают очень юные следователи.

Все, что я написала, истинная правда, Вы можете справиться в нашем доме, на местах у дочери, о ней всегда было хорошее мнение, посмотрите ее список. Нельзя же человека зря губить. Справьтесь в лечебнице о болезни моей дочери и обо всех нас. О сыновьях, которых я воспитала и вложила в них одно хорошее. Один даже служит на Волгострое инженером.

Ради справедливости, посмотрите наше вопиющее дело и освободите мою ни в чем неповинную дочь, не озлобляйте доброго, молодого сердца. Я больная, истерзанная старуха, уже плачу кровью, ведь все на глазах у меня совершилось. За что ее арестовали? За то, что мать пожалела, не могла слышать без слез моих рыданий и в защиту пару слов сказала, так неужели за это тюрьма? А настоящая виновница сидела спокойно, и ее никто не обижал, и лгун-поп улыбался.

Прошу Вас, дорогие мои, заступитесь, справьтесь о нас. Мы 20 лет живем в этом доме, сами москвичи, и муж служил всегда по найму закройщиком. Он крестьянин, я мещанка. Мы не сплетничали, не разговаривали ни с кем, да и некогда было, и дочери у нас такие же. Все в доме страшно удивлены. Мы на хорошем счету. Откуда же гром?

Заступитесь во имя справедливости. Ведь муж последнее время стал в детство впадать. Какие же мы контрреволюционеры. Я горько плачу, а иногда смеюсь горько.

Помогите нам выйти из бездны лжи и наговоров. Я слышала много о Вас хорошего.

Адрес наш:

Москва, Таганка, ул<ица> Народная, д<ом> № 4, кв. 4. Тарасовы.

Отпустите моего несчастного старика, ему и жить-то осталось пустяки, дайте умереть ему среди семьи. Неужели он не заслужил этого за всю свою трудовую жизнь.

Жена А. Д. Тарасова»².

В 1937 — Валентина Федоровна Тарасова, уже осужденная, сама обратилась за помощью к Е. П. Пешковой³.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1490. С. 13-17а. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1650. С. 152-155, 157.